КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Марта **№ 6.** 1878 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

День и годъ Кіево-подольскаго духовнаго уѣздно-приходскаго училища въ 1840-хъ годахъ.

Въ статьѣ о Кіево-подольскомъ духовномъ уѣздно-приходскомъ училищѣ [1]) мы сказали, что заведенный въ немъ строй жизни долго, долго оставался почти неизмѣннымъ. Дѣйствительно, такъ и было: что разсказывали намъ наши отцы о Кіево-подольской бурсѣ, тоже почти самое видѣли и мы, ихъ дѣти, въ 40-хъ годахъ. Для характеристики тогдашняго школьнаго времени, надѣемся, не безъ интереснаго для многихъ, мы рѣшились представить теперь картину, почти съ натуры, дня и года Кіево-подольскаго духовнаго уѣздно-приходскаго училища.

Возьмемъ хоть день октябрскій, когда училищный механизмъ обыкновенно устанавливался и учебное дѣло было въ полномъ ходу. Положимъ день субботный. Утро довольно сѣренькое, обѣщающее ненастный день.

Квартирные ученики проснулись въ своихъ квартирахъ, кто раньше, а кто позже. Вставшіе раньше, зажегши

---

[1]) Кіев. епар. вѣд. 1877 № 23.

сальную свѣчку, твердятъ свои уроки шопотомъ въ самой тяжелой, душной атмосферѣ; такъ какъ въ этой небольшой комнатѣ живутъ и спятъ до 10 человѣкъ, при пяти-шести одиночныхъ кроватяхъ, на которыхъ приходится спать мальчикамъ, конечно, вдвоемъ. Наконецъ всѣ просыпаются. Въ сосѣдней комнатѣ, въ которой живутъ и спять семинаристы съ нѣсколько лучщимъ комфортомъ, всталъ наконецъ и репетиторъ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ учениковъ, обыкновенно лучшій изъ семинаристовъ, большею частью ученикъ богословія, или философіи. Кое как, наскоро, репетиторъ спрашиваетъ уроки своихъ, особенно полѣнивающихся учениковъ, съ приличными нотаціями и взысканіями съ нихъ не исключая и сѣченія розгами. Битые и не битые училищные мальчики и семинаристы приступаютъ къ завтраку, который, по издавна установившемуся обычаю въ средѣ квартирныхъ учениковъ, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, непремѣнно состоялъ изъ блиновъ съ жаренымъ саломъ. Подаются на общій столъ блины въ большой вазѣ, и жареное сало въ особой тарелкѣ. При этомъ особыхъ тарелокъ, вилокъ и ножей, а тѣмъ больше салфетокъ никакихъ не полагалось. Каждый, и великій и малый, своею природной пятерней беретъ блинъ и умокаетъ его въ общій источникъ. Понятно, какая могла быть здѣсь сумотоха, и кто могъ быть въ проигрышѣ отъ ней,—особенно, когда, съ одной стороны, квартиро-содержатель не щедрилъ своими расходами на завтракъ своимъ квартирантамъ, и когда, съ другой стороны, къ семинаристамъ приходили на блины, какъ на особенное лакомство, иногда по ихъ приглашенію, ихъ товарищи казеннокоштные, изъ семинарскаго корпуса. Такъ, или иначе, завтракъ конченъ, школьники собираются въ классъ и спѣшатъ въ бурсу, спѣшатъ по-

тому, что здѣсь, еще до начала уроковъ, нужно сдать уроки съ одного, или двухъ предметовъ, такъ называемому авдитору. Если сапоги и одежонка не исправны,—а это часто бывало у учениковъ, хотя бы и квартирныхъ,—если ихъ квартиры были не близко отъ училищнаго дома, хотя бы за канавой, если на дворѣ стояла ненастная погода съ распутицей, то, понятно, каково было путешествіе въ бурсу этихъ жалкихъ мальчугановъ, шедшихъ гурьбою, подъ дождемъ, въ полумракѣ, съ желудками не особенно удовлетворенными и съ мрачными думами на счетъ сдачи уроковъ авдитору и отвѣтственности предъ учителемъ. А тутъ еще напутствуютъ ихъ иногда безсердечныя дѣти мѣщанъ, порой и взрослые разными прозвищами въ родѣ блощчики, кутейники и пр. Благо, если наши путешественники поспѣли въ училище заблаговременно, раньше звонка: они идутъ къ своимъ авдиторамъ, и сдаютъ уроки; а не поспѣй къ звонку, ихъ и слушать не станутъ, и прямо запишутъ въ эррату пг. не выслушаннымъ. Развѣ будетъ особенная милость со стороны авдитора, большею частью, за какое нибудь вещественное настоящее или обѣщаемое умилостивленіе, тогда и пришедшій послѣ звонка прямо, на вѣру, иногда записывался знающимъ; иногда по томуже резону, состоявшему изъ нѣсколькихъ блиновъ, куска булки, или одной, двухъ копѣекъ, записывался знающимъ и тотъ, кто плоховато зналъ укокъ, по спросу авдитора. На подобные гонорары особенно были падки казенокоштные авдиторы, которыхъ завтракъ состоялъ въ кускѣ черстваго, грубаго хлѣба съ солью. Такимъ бѣднякамъ, особенно безпомощнымъ, исхудалымъ, но усерднымъ къ ученію, иногда и какъ будто нарочно, назначались для выслушанія такіе ученики, которые могли снабжать ихъ, по временамъ, какимъ нибудь лако-

мымъ кусочкомъ; а такими доходными статьями считались обыкновенно дѣти мѣстныхъ мѣщанъ, купцовъ, чиновниковъ, и городскаго духовенства. Положимъ, дѣло съ сдачею уроковъ авдитору сходило благополучно; у ученика былъ еще одинъ врагъ, котораго нужно было бояться какъ огня. Этотъ врагъ, наводившій страхъ на дѣтей (впрочемъ только до второй половины 40-хъ годовъ), былъ такъ называемый Calculus ob verba verbera. Дѣло вотъ въ чемъ. Преподаватели латинскаго языка, стараясь пріучить дѣтей къ разговору на этомъ языкѣ, сами иногда говаривали съ ними по латыни въ классѣ, при изъясненіи урока,—и заставляли учениковъ тутъ же отвѣчать по латынѣ; а иногда требовали, чтобы ученики и внѣ класснаго времени, въ извѣстные дни, говорили между собой по латыни. Для этого они придумали Calculus—маленькую дощечку, или кубикъ, съ надписью по латыни! ob verba verbera т. е. за слова розги. Этотъ Calculus пускался въ ходъ. Получившій его долженъ былъ сбыть кому нибудь, а сбыть его можно было только тому товарищу, который, по неосторожности, вмѣсто отвѣта по латынѣ, отвѣчалъ на какой нибудь вопросъ своего пріятеля по русски, или правильнѣе, по малорусски. Calculus такимъ образомъ сбывали товарищи другъ другу всевозможными хитростями, опасаясь достойнаго возмездія отъ учителя латинскаго языка за свою вину. Виноватымъ же оказывался тотъ, у котораго оставался Calculus до начала урока латынскаго языка. Злосчастный обладатель Calculu'za трепеталъ, хотя бы и былъ исправнымъ на счетъ заданнаго урока.

Вотъ, всѣ усѣлись въ своихъ классахъ по скамьямъ, обыкновенно, по достоинству, какъ разсаживалъ ихъ учитель въ началѣ трети. Бѣдности классной обстановки не

станемъ подробно описывать; замѣтимъ только, что здѣсь не наблюдали, да и не могли наблюдать, за гигіеническими и педагогическими условіями классной обстановки. Классная комната не особенно большаго размѣра должна была вмѣщать въ себѣ среднимъ числомъ до 100 дѣтей. Скамьи были давнія, изрѣзанныя и часто не по росту дѣтей; ими заставленъ былъ почти весь классъ; оставался только небольшой проходъ къ столику учителя; да и этотъ проходъ почти всегда заставлялся учениками неисправными, которые, еще до прихода учителя, должны были стоять тутъ на колѣняхъ до окончательной расправы надъ ними. Классъ большею частью обогрѣвался собственною теплотою дѣтей въ самые трескучіе морозы; отъ чего, особенно на урокахъ чистописанія, приходилось дѣтскимъ пальчикамъ сильно страдать и оказываться неисправными.

Вотъ, классные авдиторы уже записали свои эрраты при разныхъ выпрашиваніяхъ, сопровождавшихся слезами, обѣщаніями, а иногда и угрозами со стороны выслушанныхъ. Эрраты положены на столѣ учителя. Толпа мало по малу угомонилась, благодаря энергіи класснаго цензора, успѣвшаго уже кое кого изъ болѣе рѣзвыхъ учениковъ записать подъ заглавіемъ «шумѣли», или открыто на классной доскѣ, или на особой бумажкѣ, втихомолку. Записи эти дѣлались иногда для угрозы шалунамъ; въ такомъ случаѣ писанное на классной доскѣ поспѣшно стиралось предъ самымъ приходомъ учителя. Но большею частью онѣ такъ и оставались на доскѣ, къ вящшему горю записанныхъ. Записи эти давали учителю матеріалъ для расправы надъ дѣтьми и, въ свою очередь, иногда служили доходною статьею и для цензора. Вдругъ раздается въ разныхъ мѣстахъ класса: «тсъ..., господа, тише, учитель идетъ»! и тутъ воца-

ряется мертвая тишина. Распахивается дверь; входитъ учитель не то, чтобы и особенно страшный по своему виду, но непремѣнно онъ наводитъ на цѣлый классъ какой то непонятный страхъ;—непремѣнно какая то дрожь пробѣжитъ, при взглядѣ на него, и не только въ неисправномъ, но и въ исправномъ ученикѣ. Учитель подошелъ къ столику; ученикъ читаетъ молитву: «Царю Небесный».... Всѣ молятся,—нѣкоторые и очень усердно, въ виду грядущихъ бѣдъ. Учитель садится за столикъ и просматриваетъ каждую эррату. Начинается переборка: «NN! а почему не слушался авдитора?» Идетъ оправданіе со стороны виноватаго, иногда довольно основательное. «Пойди выслушайся теперь!» Ученикъ идетъ и шопотомъ говоритъ урокъ авдитору. Учитель продолжаетъ: NN! почему не знаешь урока?» Начинается со стороны виновнаго оправданіе и доказыванье, часто со слезами, что онъ записанъ незнающимъ по злобѣ и пр. «Ступай, переслушайся у такого то авдитора», говоритъ учитель, видимо усумнившійся въ честности строгаго авдитора «А. В. С! Почему ты, ты, ты... не знаешь урока»? «Я, г. учитель, я»... начинается со стороны А оправданіе неудовлетворительное, избитое, которое ничего не говоритъ; и потому виновному произносится такой, или другой приговоръ: или стоять на колѣняхъ впродолженіи всего урока, или же посѣчь его нѣсколькими ударами розгъ,—какая расправа обыкновенно чинилась цензоромъ сейчасъ же, у порога класса! —Если цензоръ почему нибудь былъ недоволенъ на наказываемаго, то онъ преусердно отсчитываетъ ему удары розгъ, состоящей изъ нѣсколькихъ хлесткихъ прутьевъ красной, заднѣпровской лозы, а если онъ почему нибудь благоволилъ къ своему паціенту, то дѣлалъ удары фальшивые, обыкновенно по секрету напередъ предупредивши наказываемаго,

чтобы онъ посильнѣе кричалъ «Г. учитель! NN знаетъ, урокъ», отзывается съ одного угла переслушиватель «Ну ступай на мѣсто, да другой разъ будь поисправнѣе, а то выпорю! наказываетъ внушительно помилованному учитель «Г. учитель! NN ошибается», заявляетъ другой переслушиватель о другомъ незнающемъ, испросившемъ себѣ однако право переслушаться. «Ахъ ты, такой, да такой», — сыплются разныя ругательства со стороны учителя, въ родѣ осла, болвана, hebesa и т. п. «Взять его»! кричитъ разсержонный учитель, и раба Божія NN берутъ помощники цензора, валятъ его бѣднаго на полъ, учинять надъ нимъ расправу у порога класса, при разныхъ слезныхъ, жалобныхъ просьбахъ и обѣщаніяхъ: «не буду больше, не буду больше! учитель, голубчикъ и пр.» Наконецъ экзекуція совершена, какъ надъ этимъ несчастнымъ, такъ и на остальными провинившимися, послѣ болѣе или менѣе правдиваго разбора и провѣрки записей. На это тратилось не мало времени, не даромъ учебный урокъ въ то время продолжался не 1 часъ съ 1|4, какъ теперь полагается, и не полтора часа, а цѣлыхъ два. Почти цѣлый часъ шла расправа надъ провинившимися. Затѣмъ, почти около часа же, употреблялось на спрашиваніе учениковъ, записанныхъ знающими урокъ, а на объясненіе слѣдующаго урока времени почти не хватало; да и сберегать его для объясненія урока не считали тогда особенно нужнымъ при тогдашней системѣ зазубриванья учебниковъ часто безтолковаго.

«Урокъ слѣдующій (положимъ изъ Церковнаго Устава) будетъ отъ словъ: стихиры на Господи возвахъ до словъ: стихиры на хвалитехъ« произносилъ учитель къ концу урока, что обыкновенно, подтверждали и пріятные звуки училищнаго колокольчика. Въ такомъ видѣ и вкусѣ шелъ обы-

кновенно и второй слѣдующій урокъ, послѣ нѣсколько—минутнаго антракта, въ который дѣти, то распрямляли свои члены бѣганьемъ въ классѣ по скамьямъ и въ корридорахъ, то повторяли уроки и выслушивались у своихъ авдиторовъ, и пр.

Билъ звонокъ на окончаніе втораго и послѣдняго урока ровно въ 12 часовъ, и какою пріятностію отзывались эти звуки въ дѣтскихъ сердцахъ, желудкахъ и во всемъ ихъ существѣ тѣлесномъ и душевномъ! Понятно, съ какою радостью бѣжали дѣти изъ школы на свои квартиры, чтобы тамъ пообѣдать и побѣгать на свободѣ, внѣ тяжелой, непріятной обстановки бурсацкой Не то было съ учениками казенокоштными, въ собственномъ смыслѣ, бурсаками. Ихъ доля была еще больше незавидною: однообразіе школьной обстановки ихъ давило больше и больше и, кромѣ бѣдности и нуждъ бурсацкой жизни, налагало на нихъ особенную печать грусти, загнанности и пр.,—словомъ, всего того, что составляло общеизвѣстный типъ бурсака недавняго времени. И эти бѣдныя дѣти бѣжали гурьбою изъ класса, и ихъ личики нѣсколько прояснялись при мыслѣ объ обѣдѣ въ столовой и о гуляньи на дворѣ бурсы; но на самомъ дѣлѣ скудный, состоявшій изъ кое какого борща и каши, ихъ обѣдъ не особенно удовлетворялъ ихъ, и гулянье послѣ обѣда въ однихъ и тѣхъ же стѣнахъ не могло всегда доставлять имъ полнаго удовольствія. И имъ бѣднымъ хотѣлось побѣгать на свободѣ, гдѣ нибудь вдали отъ заведенія, имъ пріѣвшагося и до нельзя наскучившаго. Имъ пріятно было побѣгать когда—не когда хоть за оградою бурсы, у какого нибудь квартирнаго товарища, и покушать квартирницкаго борща и каши или какого нибудь полдника; но это удовольствіе не многимъ и не часто доставалось.

Оставимъ пока этихъ бѣдняковъ, и обратимся опять къ ихъ квартирнымъ товарищамъ. Бодро они бѣгутъ изъ школы, послѣ четырехъ часоваго сидѣнья на классныхъ скамьяхъ въ однообразной, скучной, подъ часъ и тревожной классной обстановкѣ. Теперь они не обращаютъ вниманія ни на грязь, ни на слякоть мигомъ очутились въ своихъ квартирахъ. Съ заплаканными глазами и не веседо плетутся на свои квартиры въ гурьбѣ своихъ сотоварищей только тѣ несчастливцы, которые за что нибудь подверглись классной экзекуціи; они боятся, чтобы подобная же экзекуція не повторилась съ ними и на квартирѣ отъ ихъ репетитора, въ возмездіе за классную неудачу, «пожалуста не говорите обо мнѣ репетитору», обыкновенно дорогою проситъ онъ своихъ товарищей,—и они, подобросердечію, обѣщаютъ не говорить. Лицо заплаканное, съ приближеніемъ къ квартирѣ, насильственными средствами нѣсколько проясняется; но рѣдко когда оно не выдаетъ наказаннаго репетитору за обѣдомъ, или даже раньше обѣда; несчастному и тутъ достанется мала толика отъ репетитора, особенно строгаго, безсердечнаго, заносчиваго. При играхъ послѣ—обѣденныхъ и товарищи какъ то чуждаются наказаннаго. Мало помалу, онъ падаетъ духомъ, свыкается съ своимъ положеніемъ, и становится записнымъ лѣнтяемъ, съ титуломъ осла, отчаяннаго и пр. Это кандидатъ на исключеніе изъ училища, это горе для родителей,—будущій пономарь, или дьячекъ сельскій. Лучшіе ученики, прибѣжавши изъ школы, обѣдаютъ съ волчьимъ аппетитомъ; поѣвши вдоволь, особенно, когда хозяйка сколько нибудь порядочная квартиро-содержательница и не скупится, хоть на кусокъ говядины, дѣти и нарѣзвятся вдоволь, особенно если есть при ихъ квартирѣ просторный дворъ, или какой нибудь садъ; затѣмъ опять начинаются сборы на послѣ-

обѣденный урокъ, которымъ обыкновенно бывалъ или урокъ чистописанія въ приходскомъ училищѣ, или писанія такъ называемыхъ задачъ, т. е. переводовъ съ русскаго языка на латинскій, съ русскаго на греческій и обратно, въ двухъ классахъ уѣздныхъ училищъ. Стало быть, передъ этимъ урокомъ не было никакихъ выслушиваній, никакихъ страховъ; ученики шли на эти уроки, какъ говорилось тогда, по вольности дворянства. Пробилъ звонокъ; всѣ садятся на свои мѣста, и ожидаютъ пока самъ учитель, или кто нибудь изъ учениковъ, по порученію учителя, не продиктуетъ общей для всѣхъ задачи. Задача обыкновенно состояла изъ нѣсколькихъ русскихъ, латинскихъ, или греческихъ фразъ, которыя требовалось перевести на какой нибудь изъ упомянутыхъ языковъ. Нѣкоторыя неизвѣстныя слова латинскія, греческія, или значеніе ихъ, диктовались тутъ же обыкновенно; такъ какъ у немногихъ изъ учениковъ были лексиконы. Затѣмъ шла общая, конечно врознь, головоломная работа такъ называемаго—писанія задачки. И тутъ необходилось иногда безъ злоупотребленій, такъ называемаго перетягиванья, или списыванья задачи у другаго, что, конечно, въ свое время часто и было открываемо учителемъ, съ позоромъ для виновнаго. Упомяну здѣсь объ одномъ школьномъ обычаѣ, практиковавшемся долгое время въ нашей бурсѣ, о такъ называемомъ «de loco», по словопроизводству, о мѣстѣ. Обычай состоялъ вотъ въ чемъ: когда какой нибудь ученикъ чувствовалъ себя болѣе знающимъ, чѣмъ его товарищъ по классу, сидѣвшій на скамьѣ и стоявшій въ спискахъ выше его; то онъ заявлялъ объ этомъ учителю, при написаніи задачки, или перевода, и именно такимъ образомъ: по окончаніи работы, подавая учителю свою тетрадь, онъ секретно вкладывалъ въ нее маленькую

записочку съ надписью: de loco такого то ученика, или: «желаю получить мѣсто въ спискѣ такого то ученика». Хорошо же, если въ его задачѣ оказывалось меньше ошибокъ, чѣмъ у его соперника,—онъ тогда могъ кое въ чемъ успѣть;—а случись неудача, а открой учитель въ послѣднемъ случаѣ цѣлому классу это de loco, тогда конкурирующему не обобраться отъ разныхъ насмѣшекъ отъ своихъ товарищей; а противъ кого дѣлался подкопъ, съ тѣмъ правильныя товарищескія отношенія, конечно, на всегда бывали порваны. Кто раньше другихъ оканчивалъ задачу, тотъ, съ дозволенія учителя, обыкновенно уходилъ домой;—на такого то ученика товарищи (скоро и хорошо рѣшавшаго задачи) смотрѣли, какъ на счастливца, и какъ на доку (doctus); въ такими товарищами слабѣйшіе обыкновенно старались дружить, заискивать, съ надеждою, что они когда нибудь помогутъ и имъ въ нуждѣ, то разъясненіемъ чего нибудь изъ урока, то подсказываньемъ во время отвѣта авдитору и учителю, то наконецъ передачею имъ иногда въ свернутой, скомканой бумагѣ рѣшенной задачи Наконецъ классная комната опустѣла; всѣ окончили задачи и подали ихъ учителю, который, во время этихъ часовъ или слѣдилъ за работою учениковъ, особенно подозрительныхъ, или же, чаще всего, читалъ про себя какую нибудь книгу, зѣвая по временамъ послѣ плотнаго обѣда. Бывали случаи, когда учитель являлся на послѣ обѣденный урокъ съ довольно явственными признаками неумѣренныхъ возліяній, чему ученики, въ нѣкоторыхъ случахъ, смотря по натурѣ учителя, искренно радовались, говоря, что учитель приходитъ въ классъ добрымъ. Послѣ обѣденнаго урока, оканчивавшагося обыкновенно въ 3 часа, казеннокошные ученики, съѣвши по куску хлѣба, который успѣли взять изъ столовой во время

обѣда, принимались за игры на бурсацкомъ дворѣ. Игры были въ кегли, въ мячь, (такъ называемая мета, городокъ, яички, гилка, матка и пр.) въ квача, въ свайку, въ камешки и пр.

Благоразумные начальники училища (напр. ректоръ о. Смарагдъ) поощряли эти игры,—покупали даже на казенный счетъ мячи, кегли, свайки и др.—и часто сами лично принимали участіе въ этихъ играхъ дѣтей. И какъ, бывало, радъ былъ бѣдный бурсачокъ, когда ему доставалось подбрасывать мячь ректору, задавать самому ректору рѣпы (сильно загонять въ землю свайку, которую нужно было вынуть изъ земли и подать тріумфатору). 5-й и 6-й часы рѣзвилась вся бурса. Въ 6 же часовъ ударяли въ колокольчикъ, и всѣ стремглавъ спѣшили въ такъ называемые номера, въ комнаты, въ которыхъ занимались и спали. Въ каждомъ изъ номеровъ картина теперь представляла слѣдующее: длинный, предлинный столъ—посреди продолговатой комнаты, уставленной у стѣны кроватями, одна подлѣ другой, почти непрерывно; столъ окружонъ со всѣхъ сторонъ скамьями, на нихъ-то за столомъ, при трехъ-четырехъ сальныхъ свѣчахъ, и сидѣли наши бурсачки,—и каждый изъ нихъ шопотомъ, подъ присмотромъ такъ называемаго номернаго старшаго, твердилъ заданные уроки и приготовлялъ, что слѣдовало къ классу. Бывало такъ, особенно къ концу занятій, что бѣдные мальчуганы и засыпали за столомъ, но изъ за стола выйти не смѣли; старшій не позволялъ имъ дѣлать такаго безпорядка изъ опасенія, что прійдетъ невзначай на занятія ректоръ, или инспекторъ, и взыщетъ съ старшаго и съ нарушителя порядка. Бывало и такъ, что ученикъ окончитъ приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню, и не знаетъ, что съ собою дѣлать: читать книги не водилось въ

тѣ времена, да и книгъ для чтенія во всей бурсѣ почти не было; тогда онъ или дремалъ за столомъ, или маралъ какую нибудь бумажку, выводя на ней самымъ крючковатымъ почеркомъ, въ родѣ,—письмоводитель NN, или наконецъ, если хватало у него усердія, приготовлялъ уроки на дальше впередъ, на слѣдующіе дни. Усерднѣйшіе готовили иногда уроки на цѣлую недѣлю впередъ. Къ концу занятій уже всѣ томились отъ продолжительнаго сидѣнья и иногда ничего недѣланія и ждали колокольчика, какъ радостнѣйшаго благовѣстника. Вдругъ, въ 8 часовъ раздался звонъ колокольчика: всѣ встрепенулись, вся бурса задрожала, и поспѣшно направилась съ своими ложками въ столовую, гдѣ уже ожидалъ проголодавшихся не приглядный ужинъ, состоявшій, или изъ крупника, или же изъ здоровенныхъ галушекъ, или чего нибудь другаго въ этомъ родѣ. Но и этого было достаточно для не прихотливаго желудка. Съ молитвою, по обыкновенію, наши бѣдняжки, начинали ужинъ, съ молитвою и оканчивали его, благодаря Бога за все. Затѣмъ еще полчасика давалось льготы поужинавшимъ, и къ 9 часамъ читалась уже общая вечерняя молитва по номерамъ очередными чтецами; читались обыкновенно всѣ положенныя по молитвеннику молитвы и, къ чести сказать, не спѣшно и чинно, хотя вслушивались въ нихъ и понимали ихъ очень немногіе. Нѣкоторыхъ уже давно и ко сну клонитъ. Въ 9 часовъ казенныя свѣчи тушились, и всѣ ложились спать, за исключеніемъ только особенно прилежныхъ и бездарныхъ, которымъ не запрещалось заниматься и послѣ 9-ти часовъ но только при своей свѣчѣ, купленной на собственныя деньги. Ужъ всѣ спятъ въ номерахъ, спятъ уже и старшіе, которые, по обыкновенію, послѣ ужина успѣли сходить къ смо-

трителю съ рапортами, что все въ ихъ номерахъ обстоитъ блогополучно

Почти такая же послѣобѣденная исторія и квартирныхъ учениковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ разныхъ квартирахъ часы для игръ и занятій не такъ строго опредѣлялись, какъ въ бурсѣ, тутъ распредѣленіе времени для игръ и занятій часто зависѣло отъ воли репетитора-семинариста, если таковой былъ на квартирѣ,—а если его не было, то отъ самихъ учениковъ, или отъ старшаго изъ нихъ, а не рѣдко отъ хозяина, или хозяйки квартиры, отъ того, какъ она успѣвала справиться съ полдникомъ, и съ ужиномъ для учениковъ. Впрочемъ и тутъ часы занятій непремѣнно были; въ эти часы ученики также сидѣли часто, за большимъ столомъ, при слабомъ освѣщеніи одной, рѣдко двухъ свѣчей, ожидая иногда сторонняго посѣтителя квартиры, или въ лицѣ квартирнаго старшаго изъ учениковъ высшаго отдѣленія или дежурнаго старшаго, или помощника инспектора, или наконецъ самаго инспектора и ректора, что впрочемъ бывало весьма рѣдко, такъ что посѣщенія послѣднихъ составляли эпоху въ жизни для квартиръ. Посѣтители обыкновенно просматривали квартирные журнальчики, въ которыхъ должны были записываться ученики отлучавшіеся изъ квартиры на какое время и къ кому,—повѣряли эти записи и дѣлали надписи, въ какомъ порядкѣ заставали учениковъ и квартиру; старшіе же посѣтители, начиная съ помощника инспектора (обыкновенно учителя какого нибудь класса училищъ) спрашивали иногда даже уроки нѣкоторыхъ учениковъ и съ приличными наставленіями оставляли квартиру на долгое время. Въ каждой квартирѣ, такъ какъ и въ бурсѣ, учебный день оканчивался ужиномъ, только нѣсколько болѣе сытнымъ, и общею молитвою,

которая читалась также по очереди и полно, хотя тоже безъ достаточнаго пониманія; такъ какъ толкованіе молитвъ, часто затруднительныхъ по своему изложенію, не входило въ программу занятій и приходскихъ и уѣздныхъ училищъ. Конецъ училищному дню.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЦЕРКВИ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЗА XVI—XVIII СТОЛ.

(Продолженіе)[1].

30 Апрѣля 1632 года умеръ Сигизмундъ III. Смерть короля вызвала со стороны православныхъ энергическія попытки къ возстановленію нарушенныхъ правъ своей религіи. На конвокаціонный и избирательный сеймы отправлены были изъ разныхъ мѣстъ западно-русскаго края протесты противъ претѣсненій отъ латино-уніатовъ. Старанія православныхъ увѣнчались значительнымъ успѣхомъ: имъ возвращены были нѣкоторыя епархіи и монастыри и обѣщана была свобода въ дѣлахъ религіозныхъ. Впрочемъ это совершилось не безъ затрудненій, такъ какъ латино-уніатская партія сильно возставала противъ требованій православныхъ южно-руссовъ. Къ этому періоду борьбы между православною и латино-уніатскою партіями относятся слѣдующія сочиненія:

Sypopsis albo krótkie opisanie praw przywileiów, swobod y wolności od Nayiaśneyszych Królow Polskich y W. X. Litewskich y Ruskich, przezacnem starowiecznemu narodowi Ruskiemu, pod posłuszeństwem Św. O. Patryarchy Konstantynopolskiego stałe y nieodmiennie od okrzczenia się swoiego

---

[1]) См. № 1 и 4-й „кіев. епарх. вѣд.“.

trwaiącemu nadanych i poprzysiężonych. Nakształt rocznych dzieiójw ruskich. W osobie obywatelów koronnych y W. X. L. Reiligiey Starożytney Graeckiey, w Chrystusie braci duchownych u świeckich Bractwa Cerkiewnego Wileńskiego uprzywileiowanego. 1632 r. Wilno.

Сочиненіе это, имѣвшее два изданія, написано было по порученію Виленскаго православнаго братства,—не разъ и прежде печатно полемизировавшаго съ уніатами [1]),—предъ конвокаціоннымъ сеймомъ. Въ предисловіи къ нему помѣщено прошеніе отъ лица православныхъ южно-руссовъ къ депутатамъ, собравшимся на *конвокацію*. »Всему свѣту извѣство«—писали братчики«—въ какомъ состояніи находился славный древній Русскій народъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Какъ нѣкогда возлюбленный Богомъ народъ израильскій, съ плачемъ взывалъ о своемъ положеніи: *се мы днесь уничиженны паче всѣхъ живущихъ на земли; не имамы ни князя, ни вождя, ни пророка, ни жертвъ, коими могли бы умилостивить благосердаго Бога; но въ сердцѣ сокрушенномъ и смиренномъ да будемъ пріятны предъ тобою Господи!* Такъ въ настоящія несчастныя времена и нашему русскому народу, въ продолженіи многихъ лѣтъ подобнымъ образомъ угнетаемому, что, какъ не тоже самое,

---

[1]) Виленскимъ православнымъ братствомъ издано было въ 1608 году сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Antygrafi* albo odpowiedź na Script uszczypliwy przeciwko ludziom starożytney religiey Graeckiey od Apostatów Cerkwiey wydany, któremu tytuł: *Heresiae, Ignorancíae y polityka Popów y Mieszczan Bractwa Rukiego.* Tak feż y na książkę rychło potym ku obiaśnieniu tegoż Scriptu wydaną nazwiskiem Harmonią. Przez iednego Brata Bractwa Cerkiewnego Wilenskiego Religiey starożytney Graeckiey w porywczą dana. W Wilnie 1608.

должно сказать о себѣ?.. А какая этому причина?—Измѣна православію нѣкоторыхъ владыкъ; чрезъ нея—права наши нарушены, свобода попрана, священные храмы отобраны или запечатаны, торжественное поклоненіе единому въ Троицѣ Богу вобзранено, дворяне и мѣщане лишены общественныхъ должностей и т. п... Это-ли не нарушеніе для всѣхъ дорогой свободы?«...

Въ самомъ сочиненіи, кромѣ перечисленія обидъ, переносимыхъ православными, помѣщено нѣсколько грамотъ, на основаніи которыхъ доказывается древность православія въ русскихъ земляхъ, оспариваемая латино-уніатскою партіею, утверждавшею, что уніи держались еще первые русскіе князья.

Спустя немного времени по выходѣ въ свѣтъ *Синопсиса*, православнымъ виленскимъ братствомъ издано было другое подобное сочиненіе:

Supplementum Synopsis albo zupełniysze obiaśnienie krótkiego spisania praw i t. d. tudzież Manifestatio prawdziwa progressu sprawy, na przeszłey generalney pod Interregnum Convocatiey Warszawskiey, Ludzi Starożytney Religii Graeckiey, z niektóremi PP. Unitami, przed wspomnianemi personami mianego: z Revelatią nieomylną inszych ieszcze niektórych processów strony zuniowaney, nie kożdemu po te czasy wiadomych. Przez tychże obywatelów koronnych y W. X. L. y Braci w Chrystusie duchownych y świeckich Bractwa Wileńskiego uprzywileiowanego, Relligiey Starożytney Graeckiey. Nowo teraz na świat z Drukarni tegoż Bractwa podana.

Synopsis православныхъ не остался безъ отвѣта. Виленское *уніатское братство* вскорѣ послѣ конвокаціоннаго сейма издано противъ него брошюру, подъ заглавіемъ:

J e d n o ś ć ś w i ę t a C e r k w i e W s c h o d n i e y y Z a c h o d n i e y od początku Wiary ś. Katholickiey obficie rozkrewiona.

W Ruskie kraie od przyięcia krztu ś. szczęśliwie zawitała, Prawami y Przywileiami od Nayiaś. Królów Polskich potężnie warowana przeciw Scriptowi Synopsis nazwanemu, Rocznymi dzieiami Ruskiemi okrzszczonemu nowo wystawiona przez Kościołem Rzymskim będące. 1632. Sept.

Въ этомъ сочиненіи тоже помѣщено нѣсколько документовъ, содержаніе которыхъ, по толкованію издателей, благопріятствуетъ мнѣнію о существованіи въ русскихъ земляхъ уніи съ древняго времени.

Другая брошюра, направленная противъ мыслей, выраженныхъ въ Синопсисѣ, принадлежитъ знаменитому польскому проповѣднику *Фабіяну Бирковскому*; она носитъ слѣдующее заглавіе:

Exorbitancye ruskie z Greków odszczepieńcow heretyckie z konfederatów, kazania dwoie. 1633 г.

Въ этихъ *казаніяхъ* Бирковскій громитъ »невѣрныхъ еретиковъ отщепенцевъ и новыхъ политиковъ«, противящихся римско-католической церкви; называетъ религію православныхъ и диссидентовъ проклятою, получившею названіе отъ ложныхъ пророковъ и губящею не только душу, но и тѣло; вообще допускаетъ выраженія, свойственныя самому упорному фанатику.

(Продолженіе будетъ).

РАЗСКАЗЪ ДВУХЪ БОЛГАРСКИХЪ МОНАХИНЬ.

У подножія Балканскихъ горъ стоитъ въ городѣ Калоферѣ, Филиппопольской епархіи, бѣдный монастырь, посвященный празднику Введенія во храмъ Божіей Матери. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ игуменья обители благословила двухъ монахинь идти къ намъ за сборомъ. Онѣ снарядились въ путь безъ страха и, по ихъ словамъ, отправились въ Россію что домой. Давно привыкли онѣ возла-

гать на нее всѣ свои упованія: еще въ дѣтствѣ онѣ слыхали какъ ихъ отцы и матери притѣсненные турками пророчили, что можетъ быть скоро *Дѣдъ Иванъ* подымется на Стамбулъ и освободитъ отъ ига православный людъ. Подъ словомъ дѣдъ Иванъ подразумѣвался русскій народъ, котораго не смѣли назвать по имени, изъ опасенія, чтобъ это имя не возбудило гнѣва древнихъ гонителей христіанства. Мать Евдокія и мать Харитина прожили три года въ Россіи и возвратились съ богатымъ сборомъ въ свой монастырь. Новая утварь и позолоченный иконостасъ сдѣлались предметомъ удивленія городскихъ жителей и окрестныхъ селъ.

Обитель молилась о своихъ благотворителяхъ и продолжала жить въ страхѣ подъ ненавистнымъ гнетомъ и въ надеждѣ на избавителей, когда дѣйствительно поднялся на турокъ грозный «дѣдъ Иванъ». Извѣстія о переходѣ нашей арміи за Дунай были приняты въ Болгаріи съ неописанною, но сдержанною радостью. Близка давно желанная минута! Не даромъ все ее предвѣщало,—и сновидѣнія благочестивыхъ людей, и чудеса, явленныя Господомъ. Всѣмъ было извѣстно, что въ этотъ послѣдній годъ, когда турки собирались среди Софійскаго собора, превращеннаго въ мечеть, то являлись предъ ними два старца въ монашескихъ рясахъ. Они держали кресты въ рукахъ и гнѣвно смотрѣли на поклонниковъ Корана. Дрожавшіе мусульмане обращались съ молитвой къ пророку и подымали глаза къ небу, чтобъ избавиться отъ страшнаго видѣнія, но испуганнымъ имъ взорамъ представлялся въ куполѣ храма сіяющій крестъ, и предъ нимъ теплилась лампада... Старики стали разсказывать въ полголоса преданіе, переходившее изъ поколѣнія въ поколѣніе: когда, болѣе четырехъ вѣковъ тому назадъ, турки овладѣвъ городомъ Константина, ворвались во храмъ св. Софіи,

патріархъ совершалъ божественную литургію. При видѣ дикой орды, онъ вошелъ въ алтарныя двери, которыя затворились за нимъ сами собою, и стѣна, сооруженная невидимою рукой, скрыла алтарь отъ взоровъ невѣрныхъ. «За этою стѣной,—говорили старые люди, молится до сихъ поръ патріархъ предъ престоломъ Божіимъ, и лишь только крестъ заблеститъ опять на Софійскомъ соборѣ, стѣна мгновенно рушится, святитель встрѣтитъ у алтарныхъ дверей толпу вѣрующихъ, и своды храма огласятся благодарственною молитвой.»

Въ первой половинѣ іюля пронесся слухъ, что русскій генералъ перешолъ черезъ Балканы шипкинскимъ переваломъ и раскинулъ лагерь въ Казанлыкѣ. Но съ другой стороны говорили, что башибузуки замышляютъ набѣгъ на Калоферъ, и жители города отправили немедленно трехъ выборныхъ къ генералу Гурко, чтобы просить у него стражи [1]. Онъ обѣщалъ и выслалъ дѣйствительно человѣкъ тридцать конныхъ казаковъ. Лишь только увидали издали ихъ приближеніе, загудѣли долго молчавшіе колокола и духовенство во главѣ городскихъ жителей вышло съ хлѣбомъ солью на встрѣчу своихъ избавителей. Ихъ проводили прямо въ церковь; послѣ благодарственнаго молебна они были приглашены въ домъ, гдѣ имъ приготовили уже угощеніе. Такъ ихъ ожидали въ числѣ другихъ мать Евдокія и мать Харитина, которыя, благодаря своему знанію русскаго языка, могли отъ имени своихъ соотечественниковъ привѣтствовать дорогихъ гостей и объясняться съ ними. Двери дома были широко отворены, и всѣ желающіе входили, чтобы взглянуть на русскихъ воиновъ. Восторгъ возрасталъ по мѣрѣ того

---

[1]) Калоферъ около тридцати верстъ отъ Казанлыка

какъ прибывала толпа. Вдругъ раздалось со всѣхъ сторонъ *ура!* сопровожденное оглушительными рукоплесканіями и многіе, увлеченные неудержимымъ порывомъ, начали плясать и кружиться по комнатамъ.

Но монашенки подошли къ гостямъ и пригласили ихъ отъ имени игуменьи посѣтить монастырь. Толпа потянулась по улицамъ за нашимъ отрядомъ. Въ обители былъ отслуженъ новый молебенъ, потомъ офицеры и солдаты усѣлись среди двора, въ тѣни виноградника, гдѣ выслушали пѣсню, сложенную дня два предъ тѣмъ въ честь Бѣлаго Царя и русскаго воинства. Хоръ былъ составленъ изъ молодыхъ клирошанокъ и дѣтей. Лишь только онъ замолкъ, монахини предложили гостямъ кофе, варенья и овечьяго сыра.

Наши принесли много ружей отнятыхъ у непріятеля и вооружили 200 болгарскихъ юнаковъ; послѣ чего отрядъ, пробывъ до вечера въ городѣ, ушолъ ночевать въ свой лагерь, обѣщаясь возвратиться на слѣдующій день. Около двухъ недѣль онъ являлся постоянно раннимъ утромъ и уходилъ къ ночи. Жители шестнадцати окрестныхъ селъ искали убѣжища въ Калоферѣ, лишь только узнали, что онъ находится подъ русскимъ покровительствомъ.

Между тѣмъ, болгарская молодежь, обрадованная возможностью помѣряться силой со своими притѣснителями, ушла къ подножію горъ и стала на дорогѣ, гдѣ турки бѣжали отъ русскихъ. Болгары напали на бѣглецовъ, захватили 500 человѣкъ, привели ихъ съ торжествомъ въ городъ, при радостныхъ крикахъ народа и заперли въ большомъ зданіи, гдѣ помѣщалась школа. Каждый день наши уводили въ лагерь часть этихъ плѣнныхъ.

Но зловѣщіе слухи о баши-бузукахъ напугали опять калоферцевъ; они обратились съ новою просьбой къ гене-

ралу Гурко и онъ прислалъ имъ на этотъ разъ 200 человѣкъ, которые должны были оставаться неотлучно въ городѣ. Они отказались ночевать въ домахъ и поселились около Калофера, въ чистомъ полѣ, что давало имъ возможность видѣть издали непріятели. Въ продолженіи четырехъ сутокъ горожане спали спокойно за этою стражей, но въ Ильинъ день, поднявшись раннимъ утромъ, они были поражены страхомъ. Русскій отрядъ удалился за ночь.

Поднялось смятеніе на улицахъ. Почотные горожане выбрали домъ, гдѣ собрались держать совѣтъ. Часа черезъ два ихъ посланные обошли дома и улицы, объявляя всѣмъ, что было отправлено къ генералу Гурко письмо, гдѣ его умоляютъ о помощи, и что въ ожиданіи отвѣта надо, на всякій случай, готовиться къ бѣгству.

Когда эта вѣсть дошла до Введенскаго монастыря игуменья собрала братію и сказала: «Надо готовиться къ бѣгству, но надо и къ смерти готовиться. Сегодня пойдемъ всѣ на исповѣдь, а завтра пріобщимся, и да будетъ надъ нами власть Божія».

Пока монахини молились, пришло извѣстіе, что генералъ не далъ положительнаго отвѣта, что къ нему было отправлено второе письмо, но такъ какъ и на этотъ разъ его отвѣтъ оставлялъ всѣхъ въ недоразумѣніи, то попытались обратиться къ нему съ послѣднею мольбою, и какъ только возвратятся посланные гонцы, надо будетъ принять окончательное рѣшеніе.

Ночь прошла въ понятной тревогѣ. На другой день вся братія собралась къ обѣдни. Рыданья заглушали клиросное пѣніе. Всѣ монахини приняли святые дары, потомъ онѣ обняли другъ друга на вѣчное разставаніе и просили одна у другой прощенія.

Томительное ожиданіе продолжалось не долго: верховой, проскакавъ по улицамъ города съ крикомъ: «Спасайтесь! Русскіе отступаютъ!» явился въ монастырь [1]). Братіе, въ числѣ ста человѣкъ, бросились къ игуменьѣ, глубоколюбимой и уважаемой всѣми. «Уходите однѣ, сказала она имъ, я стара, я не вынесу такого долгаго пути и только васъ стѣсню» Онѣ пытались убѣдить ее бѣжать съ ними, но видя, что не могутъ поколебать ея рѣшенія, бросились съ плачемъ къ ея ногамъ и приняли ея послѣднее благословеніе. Двѣнадцать монахинь объявили, что останутся при ней.

Приготовленія къ бѣгству были несложны: каждая захватила съ собою кусокъ хлѣба, и всѣ вышли за монастырскую ограду. Поклонившись обители, въ которой онѣ привыкли видѣть родину, изгнанницы направились къ Балканамъ. Жители города также покидали въ торопяхъ свои дома. Толпа, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, стала подыматься въ горы. Дѣти, которыхъ пугали обыкновенно турками, поняли, что на этотъ разъ турки могутъ дѣйствительно ихъ убить и подняли крикъ. Матери грозились бросить ихъ на дорогѣ, если они не замолкнутъ, и подавляли свои рыданья, которыя могли быть услышаны преслѣдователями.

Было часовъ семь вечера Стояла невыносимая жара. Путь по горѣ лежалъ Трояновымъ валомъ. Становилось съ каждою минутой труднѣй подыматься по крутизнѣ. Наконецъ всѣ поползли на четвереренькахъ, цѣпляясь окровавленными руками и ногами за камни, за деревья, и хватаясь

---

[1]) Генералъ Гурко еще разсчитывалъ на возможность удержаться за Балканами и потому не могъ дать положительнаго отвѣта на два первыя письма.

за кустарники росшіе по горѣ. Жажда мучила одинаково всѣхъ. Старики и больные отставали отъ другихъ, напрасно умоляя, чтобъ ихъ не покинули. Иные, выбившись окончательно изъ силъ, садились на дорогѣ и ожидали смерти. Беременная женщина, чувствуя приближеніе родовъ, легла на горячій песокъ, толпа прошла мимо ея. Монахиня Евдокія видѣла молодую болгарку съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Онъ былъ блѣденъ и долго кричалъ отъ голода, но молоко бѣдной женщины пропало отъ волненія и страха. Наконецъ крикъ младенца утихъ, и дыханіе стало ослабѣвать. Слезы брызнули изъ глазъ матери; она перекрестила не остывшій еще трупъ и положила его на дорогу.

Наступила ночь, но бѣглецы останавливались лишь на нѣсколько минутъ, чтобы вздохнуть немного, собирались съ силами и подымались все выше. За зноемъ настала прохлада, а за прохладой стужа: приближались къ вершинѣ Балканъ. Несчастные сгребали жадно снѣгъ, покрывавшій гору, освѣжали имъ губы, запекшіяся кровью. Наконецъ измученная, изнуренная толпа достигла Балканскаго хребта. Путешествіе продолжалось часовъ двѣнадцать.

Тутъ всѣ остановились. Многіе упали безъ чувствъ на землю, другіе выкликали напрасно своихъ съ крикомъ и рыданіями, а по склону горы виднѣлись человѣческіе образы, лежавшіе недвижимо...

Отдохнувъ нѣсколько часовъ, стали спускаться на другую сторону. На этотъ разъ путь не представлялъ уже стольких затрудненій, тѣмъ болѣе, что могли отдыхать не опасаясь погони Очутившись у подножія горъ, толпа разсыпалась по окрестнымъ деревнямъ. Мать Харитина попала въ Габрово; оттуда она выѣхала въ половинѣ сентября,

чтобъ искать въ Россіи помощи разоренному монастырю и бездомной братіи.

Подруга ея Евдокія переправилась за нашу границу лишь въ декабрѣ. Первый свой пріютъ по эту сторону Балканъ она нашла въ селѣ Новомъ, разоренномъ турками во время сербскаго возстанія. Тамъ уцѣлѣло немного келій среди полуразрушенной монастырской ограды. Игуменія малочисленной братіи приняла къ себѣ охотно нѣсколькихъ монахинь Введенской обители.

Дня четыре послѣ ихъ поселенія подъ гостепріимный кровъ, онѣ сидѣли среди монастырскаго двора, толкуя о пережитыхъ испытаніяхъ, когда нѣсколько женскихъ лицъ показались у воротъ. Монахини, узнавъ въ нихъ свою игуменію и четырехъ сестеръ, оставшихся въ ихъ обители, бросились къ нимъ съ радостными криками. Восьмидесятипятилѣтняя игуменія казалась полуживою отъ утомленія. Поспѣшили увести ее въ келлію и уложить, потомъ ея спутницы приступили къ своему печальному разсказу.

Послѣ ухода своихъ, онѣ спрятали въ ящики плащаницу, присланную изъ Россіи, нѣсколько иконъ, къ которымъ братія питала особенную вѣру, отнесли эти драгоцѣнности въ чуланъ и прикрыли ихъ разнымъ хламомъ. Однако грабители не показывались. Юнаки, вооруженные нашими, не послѣдовали за бѣжавшими жителями Калофера, но остались для отраженія непріятеля и стерегли его появленіе съ высоты горы, стоявшей около города. По прошествіи трехъ дней они увидали густую толпу баши-бузуковъ, подходящихъ по филиппопольской дорогѣ. Ихъ видѣли также изъ монастыря. Восемь монахинь попрятались куда попало, а четыре прибѣжали съ плачемъ къ игуменьѣ, умоляя ее спастись. Она согласилась и вышла съ ними за ограду. Но,

дрожащая отъ горя и старости, она съ трудомъ передвигала ноги, не смотря на опору монахинь, поддерживавшихъ ее. Надъ ихъ головами свистали пули, которыя баши-бузуки посылали болгарскимъ юнакамъ. Скоро силы игуменьи истощились окончательно. Преданныя женщины, сопровождавшія ее, не допустили одной минуты возможности покинуть ту, которую называли матерью и придумали привязывать ее поочередно на спину то той, то другой изъ нихъ, и съ этою ношей ползли на четверенькахъ въ гору. Такимъ образомъ онѣ достигли Балканскаго хребта.

Но что же сталось съ восемью монахинями, оставшимися въ Введенскомъ монастырѣ? Живы ли онѣ еще, или погибли въ страшныхъ истязаніяхъ? По прошествіи нѣсколькихъ дней, когда была уже утрачена всякая надежда на свиданіе съ ними въ этомъ мірѣ, пять изъ нихъ явились въ Новое Село. Блѣдныя, исхудалыя, со впалыми щеками и глазами, онѣ походили на привидѣнія. Ихъ окружили и осыпали вопросами, но онѣ были не въ силахъ отвѣчать и просили Христа ради кусокъ хлѣба. Вотъ ихъ исторія:

Болгары, ожидавшіе съ высоты горы приближавшуюся орду, ушли въ Балканы, когда истощили въ перестрѣлкѣ свой запасъ снарядовъ, и баши-бузуки ворвались въ опустѣвшій городъ. Ограбивъ его, они явились въ монастырь и обобрали все, что оставалось въ церкви. Монахиня, спрятанная за густыми кустами чимширя, росшаго среди двора, видѣла, какъ турокъ тащилъ одну изъ ея подругъ, требуя отъ нея **пари и грушови**. Она объяснила, что у нея денегъ нѣтъ. Онъ ударилъ ее мечомъ и отсѣкъ у нея руку. Несчастная наклонила голову, моля о новомъ ударѣ; мечъ сверкнулъ опять, и окровавленная голова упала къ ногамъ мучителя.

Другая монахиня бросились въ подвалъ и прижалась въ уголъ за дверью. Вдругъ дверь отворилась, скрывая ее отъ взоровъ вошедшаго турка. Онъ долго шарилъ по полу, отыскивая мнимыя сокровища, между тѣмъ какъ его товарищи производили такой же тщетный обыскъ въ погребѣ. Въ одной изъ бочекъ, стоявшихъ у стѣны, была спрятана монахиня. Легко понять, но разсказать невозможно, черезъ какую пытку прошли оцѣпенѣвшія отъ страха женщины, пока слышали шаги бродившихъ около нихъ мучителей и ненавистный звукъ ихъ голосовъ.

Убѣдившись, что поживиться болѣе нечѣмъ, турки зажгли монастырь и ушли. Когда водворилась тишина, монахини выглянули изъ своихъ норъ, и видя, что все пусто, собрались бѣжать. Сошлись всего пять изъ нихъ на монастырскій дворъ. Обезглавленный трупъ лежалъ около кустовъ чимширя, а объ участи игуменьи и остальныхъ подругъ онѣ ничего не знали, и поискавъ ихъ напрасно, рѣшились уйти. Время было дорого: огонь начиналъ уже пробираться по строеніямъ.

Не достигнувъ еще подножія Балканъ, онѣ наткнулись на два женскія трупа, облеченные въ рясы и узнали монахинь своей обители: онѣ были зарѣзаны. Плачущія женщины не успѣли даже почтить ихъ послѣднею молитвой и ускорили шагъ; потрясающее зрѣлище объяло ихъ новымъ ужасомъ. Побоясь подняться на гору, потому что съ долины ихъ могли замѣтить на высотѣ, онѣ бросились въ сторону, чтобъ укрыться въ ущельяхъ Балканъ и въ гущѣ лѣса. Не разъ сбивались онѣ съ дороги, то подымаясь, то опускаясь съ крутизны, и дрожали при малѣйшемъ шорохѣ, при завываньи вѣтра или крикахъ горной птицы. Цѣлую недѣлю бродили онѣ въ горахъ; скудный ихъ запасъ хлѣба скоро

истощился, и имъ пришлось питаться травой. Новое Село, когда онѣ до него достигли, показалось имъ обѣтовованною землей.

Однако раззоренный монастырь не могъ дать убѣжища и пропитанія столькимъ бездомнымъ, и по прошествіи недѣли мать Евдокія пошла съ нѣсколькими монахинами въ Тырново, гдѣ обратилась за помощью къ архіерейскому намѣстнику, архимандриту Стефану. Онъ приказалъ помѣстить ихъ въ монастырь Св. Николая, построенный недалеко отъ города.

Болгарія переживала тогда тѣ скорбные дни, которые отозвались такъ болѣзненно въ сердцѣ Россіи. Своды обительской церкви оглашались постоянно молитвой, призывающею милость Божію на наше оружіе. Первые наши успѣхи въ Азіи ободрили немного братію, но Плевна казалась несокрушимымъ оплотомъ оттоманской власти. Настала зима, и всѣ говорили, что военныя дѣйствія будутъ прекращены и что турки успѣютъ собрать къ веснѣ новыя силы. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ ноября, раздался раннимъ утромъ отдаленный грохотъ пушекъ и гудѣлъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Обитель молилась, какъ молится несчастный подъ ножомъ, поднятымъ надъ его головой, и ждала утѣшительной или роковой вѣсти. Замолкъ пушечный громъ, и болгаръ, прибѣжавшій изъ Тырнова, поразилъ всѣхъ страшнымъ ударомъ: «Турки разбили русскую армію и идутъ на Тырново!» Въ толпѣ, прозвучало сквозь рыданья слово: бѣжать! и всѣ бросились къ воротамъ.

Потрясающая вѣсть достигла окрестныхъ селеній, и ихъ жители высыпали также на дорогу. Со всѣхъ сторонъ раздавались дѣтскій крикъ и стоны, женщины рвали на себѣ волосы. Вдругъ военный въ русскомъ мундирѣ под-

скакалъ къ толпѣ, осадилъ лошадь и спросилъ «куда вы, православные?» Ему отвѣчали: «Русскіе разбиты, и турки идутъ но Тырново.» — «Стой! крикнулъ онъ, Плевна взята, армія Османа въ полонѣ! ура!»

Бѣдныя женщины не помнятъ, какъ онѣ вернулись въ монастырь, какъ бросились въ церковь и очутились на колѣняхъ при звукахъ торжественныхъ словъ благодарственнаго молебна. На этотъ разъ было несомнѣнно, что *Дѣдъ Иванъ* одолѣлъ. *Т. Толычев* [1]).

Некрологъ. — 8-го марта происходило погребеніе *Ивана Васильевича Чельцова*, заслуженнаго профессора С.-петербургской духовной ададеміи. Онъ родомъ изъ Рязанской Губерніи, сынъ священника; родился въ 1828 году; первоначальное образованіе получилъ въ рязанскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи, высшее образованіе — въ петербургской духовной академіи. По окончаніи курса въ академіи, въ 1851 году, Чельцовъ былъ оставленъ при академіи, на каѳедрѣ общей церковной исторіи, съ званіемъ баккалавра; потомъ былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго и ординарнаго профессора по той же каѳедрѣ. Въ 1869 году послѣ блестящей защиты учоной дисертаціи на тэму: «Древнія формы символовъ вѣры», былъ удостоенъ степени доктора богословія. Въ 1876 году, по выслугѣ 25-ти лѣтъ, былъ избранъ совѣтомъ духовной академіи на новое пятилѣтіе, при чемъ св. синодомъ усвоено было ему званіе заслуженнаго ординарнаго профессора. И. В. Чельцовъ былъ извѣстенъ въ средѣ русскихъ богослововъ многими учоными трудами, какъ оригинальными, такъ и переводными. Въ чи-

---

[1]) Заимствовано изъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

слѣ оригинальныхъ, кромѣ докторской дисертаціи, почетною извѣстностью пользуются: «Исторія христіанской церкви», «Очеркъ исторіи константинопольскаго патріархата съ половины XI-го столѣтія до времени взятія Константинополя латинянами въ 1204 году, напечатанный въ «Христіанскомъ Чтеніи 1857 года». Между переводными выдается по своимъ достоинствамъ, переводъ 2-го тома «Византійской исторіи» Никиты Хоніата и «Писемъ св. Іоанна Златоуста». Сверхъ того, покойный былъ извѣстенъ, какъ прекрасный лекторъ. Лекціи его весьма охотно посѣщались слушателями. Въ свою очередь, академическая корпорація постоянно облекала его своимъ довѣріемъ во всѣхъ случаяхъ, требовавшихъ ума, знанія и энергіи. Такъ, напримѣръ, ему поручено было устройство библіотеки рукописей и старопечатныхъ книгъ послѣ поступленія въ собственность академіи знаменитыхъ рукописныхъ библіотекъ софійской и карилло-бѣлозерской (кирилло-бѣлозерскую онъ и принималъ на мѣстѣ), редижированіе «Христіанскаго Чтенія» въ 1872—1875 годахъ. Чельцовъ умеръ слишкомъ рано для науки: русская богословская наука ожидала отъ него еще весьма многаго.

Отпѣваніе тѣла происходило, 8-го марта, въ академической церкви, при многочисленномъ стеченіи бывшихъ его слушателей и сопровождалось произнесеніемъ при гробѣ семи рѣчей, сказанныхъ священниками, профессоромъ и студентами академіи.

Печатать дозволяется. 20-го Марта 1878 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.